

На правах рукописи

Узенёва Елена Семёновна

**ТЕРМИНОЛОГИЯ
БОЛГАРСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА
В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2001

Работа выполнена в Институте славяноведения
Российской академии наук

Научный руководитель – академик Н.И. Толстой
доктор филологических наук С.М. Толстая

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук Л.В. Куркина
кандидат филологических наук И.А. Седакова

Ведущая организация – **Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова**
филологический факультет, кафедра славянских языков

Защита диссертации состоится 27 ноября 2001 г. в 15.00 час. на
заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите дис-
сертаций на соискание ученой степени доктора филологических
наук в Институте славяноведения РАН по адресу: *Москва,*
Ленинский проспект 32а, корпус "В", 9 этаж (ауд. 901-902)

С диссертацией можно ознакомиться в Институте славяноведения
РАН

Автореферат разослан 24 октября 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.М. Куренная

© Институт славяноведения РАН, 2001 г.

Диссертация посвящена анализу народной терминологии болгарского свадебного обряда, одного из фрагментов традиционной культуры болгар, и представляет собой первый опыт системного описания и анализа обслуживающей болгарскую свадебную обрядность диалектной лексики и терминологии, собранной воедино из различных лингвистических и этнографических источников.

Исследование выполнено в русле работ этнолингвистического направления, сформировавшегося на пограничье смежных дисциплин (лингвистики, этнографии, фольклористики) и предусматривающего рассмотрение языковых фактов в широком культурном контексте на основе “комплексного подхода к предмету исследования” (Н.И. Толстой).

Современное этнолингвистическое направление было подготовлено трудами предшественников: еще в конце XIX в. русские филологи А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, а затем Д.К. Зеленин, П.Г. Богатырев, В.В. Виноградов и др. проводили параллельное изучение языковых, фольклорных и этнографических явлений.

Настоящая диссертация опирается на теоретические положения, развиваемые в концептуальных работах Н.И. Толстого и С.М. Толстой и других представителей московской этнолингвистической школы (А.В. Гуры, А.Ф. Журавлева, Т.А. Агапкиной, Г.И. Кабаковой, И.А. Седаковой, А.А. Плотниковой и др.).

Из всех семейных обрядов свадьба предоставляет наиболее богатый материал для изучения обрядовой лексики и терминологии. Однако болгарская свадебная терминология до сих пор не была предметом специального лингвистического анализа в российской и болгарской научной литературе, за исключением работы Е. Мераковой “Ономасиологична и семасиологична характеристика на сватбения обред в Средните Родопи”, выполненной на основе данных одной локальной традиции – области Средних Родоп. Основная масса болгарской диалектной лексики, обслуживающей свадебную обрядность, оставалась рассеянной в этнографических источниках, архивах, диалектных словарях.

Поэтому для автора настоящей диссертации **актуальной** стала задача максимально полного сбора, классификации и анализа данной группы обрядовой лексики, представляющей собой систему, включающую не только славянский архаический пласт языка, но и

содержащую заимствования из различных соседних языков: турецкого, греческого.

Основная **цель** работы – систематизация и анализ болгарской свадебной терминологии в контексте народной культуры. Для осуществления намеченной цели были поставлены следующие **задачи**. 1. Установление возможно более полного корпуса болгарской диалектной свадебной терминологии на основе различных источников, в том числе собственных полевых записей. Составление этнолингвистического терминологического словаря отдельных подсистем свадебной терминологии. 2. Изучение системной организации свадебной терминологии как вербального кода свадебного обряда. Традиционный подход к исследованию лексико-семантических групп (далее ЛСГ), предполагает несколько аспектов анализа: а) ономаσιологический (изучение семантических мотивационных моделей; определение семантики и символики обрядовых терминов и обрядовой реальности, ими обозначаемой); б) структурный (выявление используемых словообразовательных моделей); в) генетический (определение корпуса заимствованной и исконной лексики); г) ареальный (выявление областей распространения терминов с целью определения этнокультурных и диалектных границ). В данной работе эти традиционные аспекты лексикологического исследования подчинены задаче выявления культурных функций свадебной лексики, ее семантических связей с основными мотивами самого свадебного обряда и относящихся к свадьбе верований, изучения механизмов формирования символических значений терминов и их роли в семантическом объединении разных тематических групп свадебной терминологии.

Источниками для настоящей работы послужили этнографические описания (около 500) болгарских свадебных обрядов, фольклорные сборники (народных песен, загадок и пословиц – “Българско народно творчество” в 12 томах), данные толковых и этимологических словарей, включающих и сведения о традиционной культуре (словари Н. Герова, Ст. Младенова, А. Дювернуа, Болгарский этимологический словарь), диалектные словари, опубликованные в сериях “Българска диалектология”, “Трудове по българска диалектология”, “Известия на Института за български език”, “Сборник за народни умотворения и книжнина”, сведения из архивов Этнографического института Болгарской Академии наук, Института фольклора БАН, рукописных архивов Софийского университета им. св. Кл. Охридского: Стояна Романского (библиотека Софийского

ун-та) и Цветаны Романской (кафедра славянского языкознания факультета славянских филологий Софийского университета), собиравшихся по единой, специально разработанной программе, а также данные картотеки Идеографического диалектного словаря болгарского языка, хранящейся на кафедре современного болгарского языка при факультете славянских филологий Софийского ун-та. Кроме того использовались собственные полевые записи, сделанные в четырех селах Болгарии в период с 1998 г. по 2000 г.

Реферируемая работа представляет собой опыт комплексного этнолингвистического исследования. Она демонстрирует применение различных **методов** анализа: описательно-аналитического, сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного и ареального; при обработке словарей использовался метод сплошной выборки свадебной лексики.

Научная новизна и теоретическая значимость работы состоят в том, что в ней собраны и систематизированы богатые и разнообразные лексические данные по болгарской свадебной обрядности; сделана попытка осмысления отраженных в терминологии различных кодов свадьбы (персонажного, предметного, акционального и др.); определены источники, принципы и способы формирования системы свадебных терминов. Были составлены карты распространения диалектных терминов, создан словарь одного из фрагментов болгарской свадебной терминологии (названия хлебов) и полный словарь одной локальной традиции (с. Гега, юго-зап. Болгария), в которых впервые вводятся в научный оборот рукописные материалы архивов и данные авторских полевых исследований, что делает их доступными для дальнейшего изучения в разных аспектах (диалектологическом, историческом, семантическом и т. п.).

Практическая ценность. Результаты исследования могут найти отражение в этнолингвистических работах различной проблематики: в статьях этнолингвистического словаря “Славянские древности”, различных мифологических и диалектных словарях, диалектологических атласах, в научных исследованиях, касающихся вопросов сравнительного и типологического изучения обрядовой терминологии славянских и неславянских народов, проблем ареалогии и лингвогеографии, диалектных особенностей языков балканского языкового союза. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего уточнения диалектного членения болгарского языка, для выявления древних этно-культурных и языковых границ славянских языков, для реконструкции древнеславянской тради-

ционной культуры. Материалы диссертации найдут применение в учебной практике: в качестве основы спецкурсов по болгарской диалектологии и этнографии, лингвогеографии, сравнительной лексикологии и семасиологии и пр.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы сообщались на Международной конференции “Болгарская культура в веках” (Москва, 1992), Симпозиуме по структуре текста (Балканские чтения – 2, Москва, 1992), Международной конференции “Дом в языке и культуре” (Щецин, Польша, 1995), Рождественских чтениях в Православном университете (Москва, 1997), Третьем и Четвертом рабочих совещаниях участников Малого диалектологического атласа балканских языков (Санкт-Петербург, 1998, 2000), Чтениях памяти акад. Н.И. Толстого (Москва, 1999, 2000, 2001), Международном симпозиуме “В поисках “балканского” на Балканах” (Москва, 1999), III Конгрессе этнографов и антропологов России (Москва, 1999), Балканских чтениях – 6 “Homo Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли” (Москва, 2001), Международной конференции “Гендер, Язык, Коммуникация, Культура” (Йена, 2001), Международной конференции “Актуальные проблемы балканского языкознания и вопросы составления балканского лингвистического атласа” (Санкт-Петербург, 2001), обсуждались на заседаниях Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН и этнолингвистическом семинаре Н.И. Толстого на филологическом факультете МГУ. По теме диссертации опубликовано 20 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, библиографии (более 500 наименований отечественных и зарубежных исследований) со списком сокращений и приложения, в которое вошли “Словарь терминологии свадебных хлебов”, “Словарь свадебной терминологии с. Гега (юго-западная Болгария)” с диалектными текстам, словообразовательная таблица корней-концептов, 10 карт, выполненных автором, карта болгарских этнокультурных регионов с обозначением этнических групп и карта диалектов болгарского языка.

Содержание работы

Во **Введении** характеризуется этнолингвистическое направление исследования и обосновывается необходимость использования данной методологии; формулируются цели и задачи работы и обсуждаются необходимые теоретические вопросы, связанные с

изучением терминологии: понятие термина народной культуры, взаимоотношение термина и референта (обрядовой реальности); кратко изложена структура и содержание глав диссертации. Подробно представлены история и различные направления изучения славянского свадебного обряда в российской и болгарской науке, дан обзор источников и материалов, послуживших основой исследования.

Далее дается краткая характеристика структуры болгарского свадебного обряда, его синтагматики и парадигматики. Приводится реконструируемый “текст” свадьбы (идеальная модель) как синтагматическая последовательность актов, развернутая во времени и пространстве.

Свадебный обряд является одним из самых сложно устроенных фрагментов традиционной народной культуры. Он рассматривается в работе как текст, представляющий собой единство вербального (словесного), реального (предметного) и акционального планов. За свадьбой как “текстом” стоит особый язык, включающий несколько подсистем, условно называемых кодами, которые имеют свой набор однотипных единиц и свою парадигматику, т.е. свои соотношения между единицами. Структура и семантика различных кодов образует чрезвычайно сложное семантическое пространство свадебного обряда.

Наиболее важными для свадьбы являются коды: персонажный, предметный, акциональный, которым посвящены отдельные главы диссертации. Кроме того, в тексте свадебного обряда фигурируют элементы многих других кодов: пищевого (обрядовые блюда), растительного (базилик, плющ, самшит, цветы, чеснок), зоологического (петух, курица, барашек, конь), цветового (белый, красный, золотой, зеленый), кода одежды и обуви, признаков кодов (полный, новый, целый, сладкий, пресный, кислый) и др., которые подробно не рассматриваются, однако при анализе основных кодов так или иначе затрагиваются и все остальные, поскольку в тексте свадебного обряда все они взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, как на структурном, так и на семантическом уровне.

Особое место среди всех кодов занимает вербальный код, элементы которого не только участвуют наравне с другими в создании “текста” свадебного обряда, но и интерпретируют его.

Поскольку каждый обрядовый акт представляет собой ситуацию взаимодействия элементов различных кодов, предполагающую обязательную актуализацию пространственного и временного параметров, в работе дается их краткая характеристика.

В семантике свадебного обряда выделяется ряд главных, узловых смысловых блоков, доминирующих концептов, мотивов, которые проходят через все коды, через семантику всех элементов, многократно “проигрываются” в обряде и находят отражение во всех или многих группах терминов. Это мотив “п е р е х о д а” (свадьба как *rite de passage*), с о е д и н е н и я, п л о д о р о д и я, и з о б и л и я как обще-благопожелательная смысловая доминанта обряда, а также другие “сквозные” мотивы: д о г о в о р а, о б м е н а, к у п л и - п р о д а ж и, к р а ж и, з а к в а ш и в а н и я и п р.

Рассматриваются также кардинальные семантические оппозиции, релевантные для семантики болгарского свадебного обряда, такие как мужской/женский, правый/левый, свой/чужой, брать/давать, большой/малый, тайный/явный, сладкий/несладкий (пресный, горький), кислый/пресный, сырой/вареный, полный (целый)/ущербный, верх/низ и др.

В заключительной части Введения обсуждается проблема ареальной характеристики болгарской свадьбы и ее терминологии, дается обзор работ по вопросу диалектного членения болгарской территории и определяются задачи картографирования обрядовой лексики.

В Главе 1 “Персонажный код свадебного обряда и его терминология” проводится анализ системы обрядовых лиц (чинов) в болгарской свадьбе и обозначающей их лексики. Отмечается особая значимость персонажного (агентивного) кода в свадьбе, поскольку в результате свадьбы меняется семейный, родовой, социальный статусы всех участников обряда и всех членов социально-родовой структуры.

Характерной чертой системы свадебных персонажей является, прежде всего, дуализм, т. е. наличие двух партий – партии жениха и невесты, представляющих два соединяющихся рода. Однако в обряде они не являются равноправными. В фокусе большинства обрядовых действий оказывается невеста.

Детальный анализ персонажей болгарской свадьбы проводится на основе набора дифференциальных признаков, различающихся типологически. Одни из них передают не зависящие от обряда индивидуальные свойства и качества действующего лица: отношение к брачным сторонам, родство, возраст, пол, семейное положение, отдельные качества характера или способности (красноречие, умение шутить, загадывать загадки). Другая группа признаков относится к “функциональному” плану. Эти признаки определяют

место и роль персонажа в обряде (взаимосвязь с другими участниками свадьбы, отнесенность к одной или сразу к обоим свадебным сторонам), внешнюю отмеченность чина каким-либо атрибутом, ритуальные функции, которые проявляются в конкретных обрядовых действиях.

Система болгарских свадебных чинов сравнивается с системами персонажей других южнославянских традиций. при этом выявляются значительные функциональные и терминологические сходства, например, основная триада лиц – посаженный отец (*кум*), старый сват (*стари сват*) и дружка (*девер*) – известна также сербам и македонцам.

Обрядовая лексика анализируется в диссертации с различных сторон: лексико-грамматической, семантической, словообразовательной, этимологической. На основании проведенного ономаσιологического и семасиологического анализа определяются наиболее продуктивные способы номинации и мотивирующие основы, а также выявляется архаическая семантика свадебного обряда, отраженная в терминологии сватов и невесты.

Лица, участвующие в обряде, получают неодинаковое отражение в терминологии. Сторона жениха чаще маркируется специальным термином, чем родственники невесты; чины мужского пола – чаще, чем женского; взрослые лица, как правило, обозначаются единичным термином, а молодежь – формами множественного числа. Всегда отмечены термином главные персонажи: посаженный отец (*кум*), распорядитель свадьбы (*стари сват, побацум*), шафер (*девер, драгинко, шафер*).

Терминология свадебных чинов включает несколько типов наименований, обозначающих как отдельных участников обрядов (*сватовница, кум, заложник*), так и целые группы лиц: сваты (*момари*), лица, приглашающие на свадьбу (*калесници*), гонцы (*вестоносци*), каравайницы (*замесарки*), певницы (*запоятки*), прислуга (помощники – *ахчи*), лица, сопровождающие свадебный поезд (*сват'ки, коняци*). Существуют и общие названия для всех участников свадьбы: *сватове, сватбари* (общеболг.), *дзваници* (средне-западная Болгария – обл. Трына и Перника). Выделяется группа названий ряженых (*аране, суране, маскара, магаре, козел, смешиник, гонгалджия, келеш, плашила, куваче, баба, оджа, чауш*).

Некоторые термины определяют действующих лиц только в отдельной обрядовой ситуации или характеризуют особое ритуальное положение участников свадьбы. Так, жених на различных этапах

свадебного обряда имеет следующие названия (примеры “окказиональной” номинации): *либовник, гальовник, драговник, изгорник* (‘возлюбленный, избранник’), *годеник, главеник, тъкмен, сгоден молък* (после помолвки), *зет, младоженец* (в день венчания и до года после свадьбы). Окказиональный характер носят и названия родственников невесты, приглашенных на свадебный пир (*погазеи*), гостей, приглашенных на угощение ночью сразу после брачного акта (*поклошари*) или в понедельник после свадьбы (*званице, тиганчари*).

Иногда термины выделяют отдельные качества или свойства обрядовых лиц, как правило, невесты или жениха, например, *молен молък* (‘парень, к которому посваталась девушка’), *зет на къща, зет аладжак, приведен зет, дуводияк, заврен зет* (‘жених, переходящий жить после свадьбы в дом жены’), *миразчия* (‘парень, женящийся на приданом’), а также *няма* (‘лицо, сохраняющее обрядовое молчание при обувании невесты’).

Характерной чертой ЛСГ “чины” является междиалектная синонимия терминов. Синонимический ряд в различных говорах образуют названия посаженого отца: *кум* (зап. Болгария и Родопы), *кръстник* (сев. Болгария), *нунас* (юго-вост. области), *калитата, калътата* (юго-запад и Родопы); наименования невесты (в день свадьбы): *невеста* (запад страны), *булка* (восток), *млада* (Банат, болгары Украины, Фракия), *младоженка* (общеболг.), *зейка* (сев.-восток), *еваклуя* (Родопы), *гелина* (помаки, Родопы) и др.

Важной особенностью исследуемой терминологической группы является внутридиалектная полисемия термина: *погазьи* – 1) сваты, 2) гости со стороны невесты на свадьбе (с. Дервент, обл. Дедеагача); *младенци* – 1) молодожены; 2) сваты (с. Динево, обл. Хасково).

Наряду с этим, для данной ЛСГ характерно и явление междиалектной полисемии, когда один и тот же термин, зафиксированный в различных областях Болгарии, обозначает различных по функциям и статусу лиц, которые все же по некоторым признакам соотносимы друг с другом: *стари сват* – 1) отец невесты (с. Лютиброл, обл. Мездры); 2) отец жениха (Еникьой, Габрово, Фракия); 3) главный персонаж, распорядитель свадьбы (г. Златица, обл. Софии).

Анализ ЛСГ “свадебные чины” выявляет несколько типов номинации: семантическая деривация (прямой и косвенный перенос наименования – метафорическая лексика), словообразование (одно-

словные и сложные цельнооформленные наименования), словосочетание, а также заимствование.

Наиболее характерен для данной группы морфологический тип словообразования: аффиксальная номинация, причем особенно продуктивны суффиксы *-ар*, *-ник* и заимствованные из тур. – *-джия/чия*, так наз. “деривационные маркеры лица”, присоединяемые часто к одной основе и образующие большое число однокоренных терминов, ср.: *годар*, *годеник*, *годежция*; *главежар*, *главеник*, *углавджия*.

Особый интерес представляет суффиксация именных основ (*деверка*, *деверина*, *деверица* < *девер*, *зейка* < *зет*) и редкие случаи префиксации (*под-кум*, *под-кръстник*, *под-колтук*), причем приставочные отсубстантивные дериваты нередко являют собой примеры архаичной словообразовательной модели (*пара-майка* ‘мать шафера’, *до-мома*, *до-ерген* ‘девушка/парень, стоящие возле невесты/жениха’).

При семантической деривации мотивирующими словами чаще всего служат термины родства: *девер*, *драгичко* – ‘брат мужа’ и ‘свадебный персонаж’; *кум* – ‘крестный’ и ‘посаженный отец’; *зълва*, *калина* – ‘сестра мужа’ и ‘главная участница свадьбы’.

В данной ЛСГ широко представлена окказиональная номинация метафорического типа, связанная большей частью с наименованием ряженных персонажей, для которых характерно изображение “других” лиц, часто представителей иных этнических, конфессиональных, профессиональных и социальных групп: *арате*, *сурате* ‘араб’, *поляк* ‘поляк’, *циганин* ‘цыган’, *оджа* ‘ходжа’, *куваче* ‘кузнецы’, *баба* ‘старуха’, *дядо* ‘дед’, *лехуса* ‘роженица’, – а также животных (*магаре* < от *магаре* ‘осел’, *козел* ‘козёл’), реалий (*плашило*, *плашилки* < от *плашило* ‘чучело’).

Использование общеупотребительной лексики является одним из продуктивных способов обогащения терминологической лексики (ср. прямой перенос наименования: *векил* – ‘полномочный представитель’ и ‘сват на помолвке’, *шехат* – ‘свидетель’ и ‘доверенное лицо на помолвке’). Явление семантической деривации (расширение объема значения слова) наблюдается как в пределах одной терминологической группы, например, свадебных чинов (ср. *углавник*, *сгоденик* – ‘помолвленный парень’ и ‘сват’), так и между различными группами: названиями персонажей и обрядовых актов (*главеш* – ‘сват’ и ‘помолвка’; *катеска* – ‘приглашение на свадьбу’ и ‘приглашающее лицо’).

По своему строению термины могут быть простыми (*сватовник*), сложными (*песнопойки*) и составными (*девер-майка*, *кум-дете*). Среди составных терминов наибольшее число составляют лексикализованные сочетания, образованные по модели *adj. + nom.* с помощью общеупотребительных слов или терминов родства (обычно названий девушки, парня, деверя, золовки, свата) и прилагательных, отражающих особые признаки или функции персонажа и несущих в себе основную семантику термина: *годена мома*, *главен момък*, *главен девер*, *венчата зълва*, *момар бѣшия*.

Заемствование как способ номинации достаточно продуктивен для исследуемой ЛСГ. Большой процент греческих заимствований зафиксирован на юге Болгарии, заимствования из турецкого более характерны для северной Болгарии и Родоп, где существует много мусульманских сел. Многие слова из числа заимствований представляют собой новообразования с живой, ясной внутренней формой, которая в условиях двуязычия легко воспринимается представителями адаптирующего языка: *калезмар*, *калесник* ‘приглашающий на свадьбу’ < от нгрч. *tó kálesma* ‘приглашение’; *хаберник* ‘свадебный гонец’ < от тур. *haber* ‘весть’; *сойтерия* ‘чин заложника,’ < от тур. *soyteri* ‘шут, посмешище’.

Подавляющая часть исследуемой лексики является мотивированной, причем принципы мотивации сходны для различных групп персонажей. Наиболее продуктивным является обозначение свадебных чинов по функции или действию, исполняемым ими в ритуале (например, *месарка* замешивает тесто для хлеба < от гл. *меся* ‘месить’), реже термины совпадают с названием обряда (*засевки*, *замески* ‘ритуал приготовления хлеба’ и ‘его участницы’). У других лексем выявляется связь мотивирующей основы с предметом, реалией (обрядовой или необрядовой): *елхаджийки* ‘девушки, изготавливающие свадебное деревце *елха*’, *меденичени моми* ‘девушки, выпекающие хлеб *меденик*’, *байрактар* ‘знаменосец’ (*байрак* ‘знамя’) или иным обрядовым лицом (*булис* ‘девушки, готовящие свадебный реквизит для невесты’, *възбулка* ‘дружка невесты, сопровождающая ее в обрядах’, *буляк* ‘жених’ < *булка* ‘невеста’).

Подробный анализ данных позволяет определить следующие случаи диалектного ономаσιологического варьирования: 1) наличие по говорам равнозначных терминов, имеющих различную семантическую мотивировку, например, обозначения ряженого персонажа, часто являющегося распорядителем свадьбы: *заложник* ‘тот, кто “закладывает” свою честь за честь невесты’, *смешник* ‘тот, кто

смешит гостей’, *маскара* ‘тот, кто рядится, маскируется’, *страшник* ‘тот, кто страшит, пугает’, *магаре* ‘осел’; 2) наличие по говорам различных наименований с одинаковой семантической мотивировкой, но с разными мотивирующими основами, ср. обозначения знаменосца: *байрактар*, *феругличар*, *прияпорджия*, *милицарин* < *байрак*, *феруглица*, *прияпор*, *милица* ‘свадебное знамя’.

Одной из характерных черт терминологии болгарского свадебного обряда в целом является исключительная продуктивность некоторых основ (*год-*, *глав-*, *сват-*), которые представлены во всех терминологических группах лексики (ср. *годеж* ‘помолвка’, *года* ‘приданое’, *годеи* ‘свадебный барашек’; *углава* ‘помолвка’, *главеи* ‘хлеб’, *главенич* ‘кольцо невесты’; *сватба* ‘свадьба’, *сватбен нетел* ‘свадебный петух’, *сватбина* ‘деньги, расходуемые на свадьбу’), в том числе и в названиях чинов (*годежник*, *углавник*, *сватовник* ‘сват’; *годеник/годеница*, *главеник/главеница* ‘жених/невеста’). Семантика корней-концептов *год-*, *глав-* связана с архаичными представлениями о свадьбе как сговоре сторон, а значение корня **svat-* восходит к терминологии родства.

Отдельные параграфы главы посвящены подробному анализу двух групп названий терминов, обозначающих “сватов” и “невесту”. Выбор данных ЛСГ обусловлен как особой значимостью персонажа “невеста”, представляющей собой семантический фокус всей свадьбы, так и тем фактом, что в названиях невесты и сватов в наибольшей степени находит отражение глубинная семантика свадебного обряда как договора, обмена, купли–продажи, кражи невесты, ср. *крадена мома*, *грабалк’а* ‘украденная невеста’, *менепа мома*, *зададена*, *сдаденица*, *сговорена мома*, *сгодена мома*, *годеница* ‘помолвленная’: *договорник*, *сговорник*, *менежник*, *продавджия* ‘сват’.

В разделе о невесте, меняющей свой статус и облик в ходе свадьбы (ср. обозначения девушки: *годеница*, *главеница*, *пиена мома* (после помолвки), *булка*, *невеста*, *младоженка*, *млада* (в день венчания), *булка*, *невеста* (после свадьбы) или *млада булка*, *прясна булка*, *не годинясала* (до года после свадьбы), рассматриваются отражения в лексике верований и ритуальных действий, обусловленных представлениями о двойственной природе новобрачной, находящейся в процессе перехода, ограниченного сорока днями: как носительнице плодородия, источнике благ, с одной стороны, а с другой, как представительнице потустороннего мира, а потому опасной для окружающих или подверженной опасностям со стороны демонов.

Данные болгарской свадебной обрядности дают новое подтверждение возможности толкования лексемы *невеста* в значении ‘неизвестная’, ‘незнакомая’, ‘чужая’ (ЭССЯ 25:72-73): существует ряд табу, регламентирующих ее поведение в доме жениха первый год после свадьбы, где она воспринимается как “чужая”, а значит, “опасная, нечистая”.

Особое внимание уделяется лексике, обозначающей девственную/недевственную невесту. Это могут быть термины со значением моральной оценки: *честна, булка с честта си, добра, хубава, честита, непорочна невеста* ‘честная, разумная, хорошая, красивая, удачливая, непорочная’, *нечестна, нечиста, не е добра* ‘нечестная, нечистая, нехорошая’; целостности/сохранности: *неначената, зтазена, цяла* ‘неначатая, сохраненная, целая’, *не е цяла, начената* ‘нецелая, начатая’, *развалена* ‘испорченная, сломанная’, *разтурена* ‘разломанная’, *счупена, пробита* ‘разломанная, продырявленная’.

В данной ЛСГ находят отражение и другие мотивы болгарского свадебного обряда, например, мотив “сладости” (*блага невеста*), “золочения” (*злато* ‘девственность’; ср. также выражение, характеризующее нечестную невесту – *на булката ни е паднал варака* ‘с нашей невесты упала позолота’) и др.

Особенностью болгарской свадебной терминологии, отличающей ее от восточнославянской, можно считать наличие христианской символики в обозначении девственной невесты (*иконичка, свещичка, света Богородичка*), а также отражение зоологического и орнитологического мотивов в исследуемой лексике: ср. обозначение девственности – *кокръжът* ‘хорек’, знаков девственности на рубашке молодой – *пшленца* ‘птенчики, цыплятки’.

В выводах к главе отмечается, что распространение терминов, обозначающих свадебные чины, подтверждает членение территории Болгарии на два ареала – западный и восточный, каждому из которых соответствует свой набор чинов и лексем. Первый характеризуется наличием триады лиц кум – *стари сват* – *девер*, названием *невеста* для молодой, *младоженец* (*младенец*) для жениха. Второй тип отличает бинарная структура чинов *побаццим* – *заложник*, руководящих свадьбой, при наличии номинального руководителя посаженного отца (*кръстник*), а также термины *булка* и *зет* для молодоженов. На основе наличия диалектных вариантов наименований некоторых персонажей внутри каждого типа выделяются подтипы: северо-западный, юго-западный, родопский, северо-восточный и юго-

восточный, границы которых в общих чертах совпадают с диалектными границами болгарского языка.

Глава 2 “Предметный код свадебного обряда и его терминология” посвящена терминологии трех предметных символов болгарской свадьбы: хлеба, деревца и знамени.

Специфика предметного кода, в сравнении с персонажным и акциональным, состоит в том, что в нем преобладают реалии, которые специально изготавливаются для свадьбы – это ритуальные предметы, у которых символическая функция абсолютно преобладает над утилитарной, причем, само их изготовление ритуализовано и входит в сценарий свадебного обряда.

В первом разделе главы анализируется семантика хлеба как материализации понятия доли, кратко характеризуются основные этапы свадьбы, отмеченные наличием хлеба, а также виды хлеба по форме, размеру и составу (кислый, пресный, сладкий). Описывается процесс ритуального приготовления хлеба, определяется семантика обрядовых действий, их мотивация, направленная на обеспечения плодородия, деторождения, изобилия, богатства и благополучия в широком смысле. Выявляются основные мотивы свадьбы, находящие проявление в изготовлении и украшении хлеба: заквашивания (хлеба, семьи, ребенка), засеивания (земли/женщины), соединения молодых, “сладости” будущей жизни молодоженов.

Далее исследуются основные функции хлебов в обряде, их символика. Особое внимание уделяется культурной метафоре “хлеб – человек”, которая проявляется, в первую очередь, в народных представлениях о замешивании и печении хлеба как о зачатии и рождении ребенка, а также ассоциируется в некоторых случаях с невестой.

В работе отмечается, что хлеб (равно как и действия, производимые с ним) маркирует ситуацию перехода и его отдельные этапы, сакральные локусы, главных обрядовых лиц и обрядовый реквизит, символизирует брак и новобрачных, а также их будущих детей. Действия с хлебом имели целью наделить молодоженов новой “судьбой”, долей, а также плодovitостью, и обеспечить рождение потомства.

Терминология, связанная с хлебом, включает две группы: названия обрядов приготовления хлеба и собственно наименования хлебов. При анализе первой группы отмечается терминологическая маркированность всех этапов приготовления хлеба, отраженная в названиях различных актов обряда: от сбора зерна (*засевка*), его

помола (*грухане на жито*), просеивания муки (*пресяване*), замешивания теста (*замески, месене хляб*), выпекания хлеба (*запек*), его украшения (*шарене кулак*), “опевания” уже готового хлеба (*пеене меденици*), его преломления (*ме^атане^а на меде^аник*).

Эта терминология выявляет на территории Болгарии два ареала, соответствующие двум типам обрядности: восточноболгарский тип, для которого характерны ритуализованный помол зерна и соответствующие наименования ритуала (*грухане на жито, грованки, чукане, мелене на булгур*) или ритуальное просеивание муки (*засевки*), и западный вариант (*замески, заквасване, квас*), где более значимыми оказываются действия замешивания теста (*кваса*). Западный ареал в свою очередь членится на северную часть, где доминируют названия с лексемой *квас* или отглагольные наименования, обозначающие замешивание или заквашивание теста (*заквасване, месене на кваса*), и южную, где основными являются лексемы, обозначающие просеивание собранного зерна (*засевка, засевки*). Область Родоп делится на восточную часть, примыкающую к восточному ареалу и характеризующуюся термином *засевки*, и западную (включая и Средние Родопы), где фиксируются названия обряда, образованные от глагола *меся* ‘месить, замешивать’: *месене квас, месене хляб, замесване, замески*.

В ЛСГ терминов, обозначающих собственно хлеб, входят как специальные свадебные термины, т. е. не встречающиеся вне ритуала (*кочичняк, главешник, годержна пита*), так и лексемы, обозначающие обычный, неритуальный хлеб (*хляб, погача, пита, турта, баница*). Они могут выступать как в роли самостоятельного обрядового термина, так и в составе адъективных словосочетаний (*кумов хляб, сватбарска погача*). Не специфически свадебными являются термины типа *кравай, колак, меденик*, характерные для календарной и семейной обрядности в целом, используемые, например, при колядовании, ср. также *понуда* ‘свадебный хлеб’ и ‘угощение’ в обряде второго посещения новорожденного.

Отдельную группу составляют заимствованные термины, которые в данной ЛСГ, в отличие от группы “чинов”, немногочисленны, причем, большая их часть происходит из греческого языка: термин *пита* < нгрч. *ή πίττα* ‘пирог’, *каниска* из нгрч. *τό κανίσκι* ‘еда и питье, с которыми приходят приглашать на свадьбу’ (соотносится также с болг. *каня* ‘приглашать’) и др.

В ходе анализа обсуждаются некоторые частные проблемы семантики и происхождения отдельных заимствованных терминов и

предлагаются собственные решения. Это касается, например, названий хлеба *фодула*, *фудула*, *фудулки*, которые, возможно, являются метафорическими наименованиями, образованными от ар.-тур. *fodul* ‘надменный, гордый’, ‘надутый’, т. е. вздутый, пышный хлеб. Заимствованное из турецкого название хлеба *пармак* (тур. *parmak* ‘ветка в ограде, спица, палец’) обусловлено, видимо, продолговатой формой обозначаемого хлеба, подобной форме пальца. Термин *теферич* < ар.-тур. *teferrîç* ‘гуляние, прогулка’, ‘вид цветка’, образован путем семантической деривации (за счет расширения объема назывной функции слова) от названия свадебного дерева *теферич*, которое выкалось в данный хлеб.

В разделе дается классификация терминов по их структурным типам и мотивационным моделям. Термины, обозначающие хлеб, могут быть однословными наименованиями и составными, которые приблизительно равны по численности. Заимствования более многочисленны в первой группе.

Составные термины представляют собой, как правило, атрибутивные словосочетания, включающие родовое наименование хлеба (*кравай*, *колак*, *пита*, *погача*, *хлеб*, *турта*, *баница*) и определение, несущее основную семантику, выделяющее его как свадебный термин.

Наибольшее число наименований, главным образом составных, указывает на адресата, т. е. на персонаж, которому хлеб предназначен, или, реже, на субъект – лицо, дарящее хлеб. В качестве таких чаще всего выступают главные персонажи свадьбы: невеста (*момин кравай*, *невестински колак*, *кравай за невеста*), “кум” (*кумови колаци*, *кумови хлябове*, *прикумова плетеница*, *кальтатуф поклон*), “кума” (*кальманска пита*, *кумска погача*), жених (*момкова пита*, *момков кравай*), старый сват (*старойк’ов леп*, *старисватов хляб*), гонец (*пярварнишки колак*), золовка (*золвенски колак*), шафер (*деверска погача*, *деверски колак*), новобрачные (*ляп за младенците*) и лица, которым дарится хлеб, например, дети (*детско кравайче*). Признак “принадлежности” может выражаться и с помощью существительного, обозначающего субъект, в субъектно-объектных субстантивных словосочетаниях (примеры лексикализованных сочетаний, образованных по моделям *nom.+nom.*; *nom. + праер. + nom.*): *годежница пита* – букв. ‘сваха-лепешка’, *пита за годеница* ‘лепешка для невесты’. Иногда термин обозначает не только принадлежность лицу, но и предмету, частью которого является хлеб (пример

метонимического переноса), например, свадебному деревцу *бахча* – *бахчи лебове* (наряду с эллиптическим образованием *бахчиле*).

Вторую группу составляют наименования, отражающие различные признаки – качества хлеба или теста, из которого он выпекался: “кислый” (с закваской) – *квас*, *квасец*, *квасеник*; пресный – *пресница*, *пресник*, *прясна погача*; “сладкий” (медовый) – *сладка пита*, *блага баница*, *шугава турта*, *меденик*, *медена пита*; “плетеный” – *плетеник*, *оплетен кравай*; “целый” – *цал леп*, *цяла погача*, *цало*; “свадебный” – *свадбарска пита*, *сватбарски краваи*, *сватбарски хлеб*; “украшенный, расписанный, пестрый” – *писан колак*, *кичен колак*, *шарена пита*; “покрытый позолотой, золотой” – *погача вараклия*.

Третью группу составляют названия хлебов по внешнему виду (форма, размер), по сходству с предметами, птицами, например, большой и маленький хлеб (*голям колак*, *малко хлебче*), калач с дыркой (*колак с дупка*, *пита з дупка*), хлеб в виде кольца (*халка*), куклы (*кукла*), украшаемый веретеном (*хурка* < *фурка*), “румяный”, алый, т.к. он покрыт алым покрывалом (*руменик*), имеющий украшения в виде птиц (*гълъбник*, *галабета*), цветов (*теферич*, *пита с червена розичка*), просфоры (*хлеп с просфура*), соотносимый с волосами – *коса* (*косатник*, *косичняк*). К данной группе мы относим также наименования хлеба, образованные от названия свадебного деревца путем семантической деривации: *бахча*, *теферич*.

В четвертую группу включены термины, мотивированные способом приготовления хлеба. Небольшое число наименований – это производные от глаголов, обозначающих действия с тестом при изготовлении хлеба: сгибать (*гибаница* > *баница*), крутить, вить, которые приобретали сакральный характер и имели в контексте свадебного обряда главным образом продуцирующую семантику: *превитак*, *превитаче*, *вити баници*, *виенцата*. Сюда же мы относим и названия хлебов, образованные от названия печи (*пец*, *фурна*), в которой выпекался хлеб: *пеценик*, *пишник*, *пеашнички*, *фурнит*.

Пятую группу образуют термины, отражающие обрядовые действия с хлебом, его ритуальные функции: разламывание (*преломак*, *ломена погача*), разрезание (*пур’азница*). Хлеб *срабена пита* расхватывают при преломлении (*разграбват*), *кравай-краденик* одна из участниц “крадет” во время игры, *мълчан хляб* готовят, соблюдая обрядовое молчание; встречают молодых хлебом *посрещалник*; *процален леп* приносит молодуха в дом родителей после свадьбы, прощаясь с прошлой жизнью. Термин *худулки* (<

фудулки) являет пример народной этимологии, поскольку в народных представлениях название хлеба соотносится с ритуальными действиями, совершаемыми с ним, а именно: хождением (с ним приходят к невесте родственники жениха).

К шестой группе мы относим те наименования хлеба, которые образованы от названия самого обряда, ритуала: помолвки (*годеж, питане, мена, главеш, армосване*) – *годежна пита, годеш, допитка, мена, главешник, армену*, приглашения на свадьбу (*канене, каниска*) – *каниска*, венчания – *венчален хляб, венчило* и под.

Терминология хлебов объединяется с другими терминосистемами болгарской свадьбы: названиями обрядов, персонажей, ритуальных действий и атрибутов и т. д. так наз. “ключевыми словами”, т. е. словами (или корнями слов), мотивирующими термины различных лексико-семантических групп, например, корни *сват-, год-, глав-, мен-, благ-*. Ср. обозначения хлеба: *свакя, годежна пита, главешник, мена, блага пита*; помолвленной девушки: *сгодена, углавена, менена*; девственной невесты: *блага невеста*; различных подарков невесте: *мяна, благо* и пр.

Далее характеризуется география терминов, обозначающих хлеб. Выделяются крупные зоны: западная Болгария, где зафиксированы наименования хлеба *плетеница, теферич* и восточная Болгария (*меденик*), – внутри которых также разграничиваются ареалы: северо-западный (*косичняк, гълбник, литургия, фурка*), юго-западный (*колак, цал леп*), северный (*бахча*), родопский (*стихус, фурнит*), юго-восточный или фракийский (*руменик*). Это деление болгарской языковой территории в целом совпадает с ареалами, выделяющимися на основе всей свадебной терминосистемы, и отчасти соответствует границам диалектов.

В заключении раздела рассматривается соотношение болгарской терминологии хлебов с данными других славянских традиций, обнаруживающее большие сходства, особенно с некоторыми южнославянскими языками.

Отдельные разделы посвящены анализу других основных атрибутов свадьбы: дерева и знамени, где характеризуется вид, форма, состав и способ изготовления, а также функции и символика реаллий. Рассматриваются семантика и мотивационные модели терминов на общеславянском фоне и их географическая дистрибуция.

Дерево в ходе свадьбы имеет различную символику, соответствующую разным этапам обрядового “перехода” молодых (потерю девичества, заключение брака и создание новой семьи).

Свадебное деревце выполняло ряд функций в обряде, которые оказались закрепленными в терминологии: маркировало главных персонажей (*кумово дървце, катятова трапеза*), служило символом невесты (*кон, конче* – метафорические наименования; конь в болгарской свадьбе нередко выступает семантическим эквивалентом невесты), плодородия (*ябълка, бахча*), играло роль апотропея.

В номинации деревца у болгар отмечаются разные признаки. Оно может называться: 1) по породе дерева: хвойные – ель и сосна (*ела, елха, дърво елхово, бор*); дуб (*дъб, лъб*), кизил (*дрен*) и плодовые – яблоня (*яболница, яблонца, миля, милица* < нгрч. *μηλιά* ‘яблоня’); 2) по используемой части дерева – ветки (*вейка, гранка, клонка*), раздвоенного ствола (*чатал, чаталья*); 3) по названию цветка (*трендафил, теферич*); 4) наименования со значением “совокупности, множественности деревьев” – *градина* (‘сад’), *гора* (‘лес’); 5) по наименованию хлебов, служащих основанием для деревца: *каниска, плетеница, накаля*; 6) по принадлежности деревца обрядовому лицу (“куму”/“куме”) – *мъжко кумово дърво, женско кумово дърво*; 7) по сходству с другим предметом, например, веретеном (*кôжель, къжель*).

Ритуальные функции и символические значения **знамени** во многом объединяют его со свадебным деревцем, которое формально отличается от флага лишь отсутствием полотнища. Наряду с основными тремя группами названий знамени, образованными от корней *пярпор-*, *руг-*, и широко распространенным заимствованием из турецкого – *байрак* известны немногочисленные составные наименования, образованные по принципу соотношенности с обрядовым лицом: женихом и невестой (*мъски ст’ак, женски ст’ак, момин стяс*), по характерному признаку (цвету: *бела уруглица, чървена уруглица*) или отнесенности к ритуалу – свадьбе (*свадбарски байр’ак*), в отличие от погребального знамени, например.

Глава 3 “Акциональный код свадебного обряда и его терминология” посвящена анализу названий обрядов и обрядовых действий. Действия (как акциональные проявления), составляющие сложный текст свадебного обряда, систематизируются различным образом: исходя из их “формы”, или их содержания (назначения, смысла). Различные по форме и виду действия могут выражать одно и то же содержание, смысл (например, наделение плодородием, богатство, соединение), равно как и одно значение может иметь различные формы выражения (в данном случае акциональные).

Символика действия как “акционального высказывания” может определяться свойствами и культурными (символическими) значениями любого из его компонентов и в конкретной ритуальной ситуации приобретать “персональный”, “инструментальный”, “локативный” или “темпоральный” акцент (в терминологии С.М. Толстой).

В главе анализируются синонимические ряды, образуемые различными действиями, имеющими сходную мотивировку или функции и выражающими общую содержательную идею (плодородия, богатства, соединения и др.). Так, соединение молодоженов было целью целой группы разнообразных ритуальных действий – от самых простых, когда соединяли руки или головы новобрачных, хлебы и их части, смешивали компоненты хлеба при выпекании (закваску, муку), взятые из дома жениха и из дома невесты, до действий со сложной семантической структурой, в которых участвовали другие лица (дети или участники свадьбы) или использовались предметы с характерной символикой. Например, при замешивании теста для хлеба муку просеивали мальчик и девочка, связанные одним платком, что должно было “символизировать брачный союз молодых”; в дар, предназначенный невесте, который ей вручали на помолвке, клали “мужскую” (крючок) и “женскую” (петля) застёжки, соединенные вместе, “чтобы и молодые крепко связались”, или молодожены съедали пополам сердце барашка, подаренного женихом родителям невесты перед свадьбой, “чтобы иметь одно сердце, т.е. любить друг друга всю жизнь”.

Далее рассматривается взаимодействие и сочетание (синтагматика) разных видов действий на примере конкретных обрядов (сватовства, начала свадьбы), где эти действия (различной формы и содержания) соединяются в единый обрядовый акт. Так, начало свадьбы как отправная точка обрядового процесса маркировалось различными ритуальными действиями (подготовкой даров, определением дня свадьбы, приготовлением хлеба), что нашло отражение в терминологии: свадьбу “закраивали” (*сватбата се закроява*), “отсекали” (*сеакът свадба*), “заквашивали” (*заквасват*), “замешивали” (*васмисуват*) и “запекали” (*запичат*).

В лексике и терминологии акционального кода болгарского свадебного обряда отражены различные культурные метафоры свадьбы и брака, коитуса, зачатия. В представлениях болгар, замешивание, выпекание хлеба символизировало создание новой семьи, рождение потомства (так наз. “хлебные” метафоры).

Набор действий, акциональных символов, соотносится с концептуальными моментами свадьбы: пассивностью невесты, с одной стороны, и “невестоцентричностью” обрядов, с другой. Терминологически маркированными оказываются лишь действия, отмечающие узловые моменты свадьбы, например: выбор невесты и сватовство (*сгледжам, сватувам*), совершение помолвки (*годя, главя, удворям*), приглашение на свадьбу всех участников и гостей (*каня, калесвам, кликам, зова*).

Смысловой доминантой ряда ритуалов и действий является мотив п е р е х о д а, смены социального статуса молодых. Семантика д в и ж е н и я, в о ж д е н и я, связанная со значением свадьбы как *rite de passage*, эксплицитно представлена в лексике. Как правило, это терминология действий и обрядов, связанных с невестой (в частности, с ее “вождением”). Данная лексика актуализирует категорию “пассивности” (невесты), что проявляется в доминировании “объектного” значения терминов. Статика невесты в свадьбе была столь знакова, что вызвала к жизни ряд идиоматических выражений: “*Водят го като млада булка*” ‘Водят его как молодуху’; “*Водят го като невеста пред кум*” ‘Водят его как невесту перед кумом’.

Лексемы со значением “вести/водить” (с корнем *вод-/вед-*) богато представлены в данной ЛСГ: *водя* ‘брать в жены’, *изпроводяк* – название проводов молодой из родительского дома, обозначение обряда брачной ночи как *сводене, свождане, свеждане*, вождение молодухи к источнику (*водене на вода, завеждане, извеждане, отвеждане на вода*) и пр.

В то же семантическое поле “движения-перехода” входят и термины с общей семантикой “хождения”: ср. наименования помолвки – *първо ходене, одене със пръстен*, послесвадебного угощения в доме невесты – *похождане, одене на повратки* и др.

Одним из элементов инициации невесты было соблюдение ею обрядового молчания (*говееене, срамуване, търпене*), наряду со статичностью, пассивностью, невидимостью и “слепотой” составлявшее ее общий “иномирный” образ.

Терминология собственно обрядов состоит из простых и составных терминов, причем первые значительно доминируют. Для односоставных лексем наиболее продуктивный способ номинации – словобразование (аффиксация) и семантическая деривация. для составных терминов – словосочетание, причем термины образуются по следующим моделям (приводятся в соответствии со степенью продуктивности): *nom. + nom., праер. + nom., adj. + nom., verb. + nom.*

Заемствование как способ номинации не характерно для данной ЛСГ, за исключением отдельных случаев: *субат*, *долуджак* ‘свадебное угощение’ < тур. *sohbet* ‘сбор с целью веселья и угощения’, *doli* ‘большая чаша для вина’; *армас*, *армосване*, *равон* ‘помолвка’ < нгр. *армáса* от *армáζω* ‘женить, выдавать замуж’, *ή ἄρ(ρ)αβίωνα* ‘обручение, помолвка’.

Самую многочисленную группу образуют названия обрядов, в которых “а к ц и о н а л ь н ы й” компонент значения оказывается доминирующим. Как правило, это отглагольные существительные, образованные при помощи суффикса *-не*, характерной морфемы “действия” (*сватосване*, *прекриване*, *даруване*), или существительные с признаками действия (*сговор*, *предавушка*, *кроеж*).

Другую большую группу составляют названия обрядов, семантика которых имеет “о б ъ е к т н ы й” акцент, т.е. наряду с основным значением действия включает значение объекта, с которым действие совершается, например, обрядовых предметов (*повращане прекровка* ‘снятие вуали’), хлеба (*шарене кулак* ‘украшение калача’); лиц – невесты, жениха, “кума”, “кумы”, “деверя”: *пребулване на булката* ‘покрывание невесты фатой’, *захранване на зетя* ‘угощение жениха’, *вземане на кръстника* ‘взятие кума’, *на девере* ‘угощение в доме деверя’. Часто в термине остается не выражено лексически значение самого действия и название обряда совпадает с наименованием используемых в нем предметов (*обуца* ‘обувь’, *венци* ‘венки’, *китка* ‘букет’) или представляет собой лексикализованное сочетание, образованное по модели предлог *на* + *пот.*, определяющее цель или направление действия (на реалию – *на кошје* ‘обряд изготовления венка новобрачной’/‘венки невесты’, обряд – *на почерпушка* ‘угощение после помолвки’, locus – *на геран*, *на кладенец*, *на бунар*, *на вода* ‘ритуальное хождение невесты за водой’).

В терминологии свадебных обрядов значительное место занимают термины с доминирующим “п е р с о н а л ь н ы м” компонентом, представляющие собой атрибутивные словосочетания, созданные по моделям: *adj.* + *пот.* и *пот.* + *праер.* + *пот.* Существительное, как правило, обозначает время проведения ритуала – вечер, день (*кумова вечер*, *ден на дърварето*), угощение, ужин (*девичина вечеря*) или саму трапезу (*деверска трапеза*, *кумова софра*). В данную группу входят и наименования обрядов, созданные путем расширения значения термина от обозначения лиц, участвующих в обряде, к названию самого обряда (пример семантической деривации): *каначки* ‘обряд приглашения на свадьбу’, ‘девушки, которые приглашают’,

женихларе ‘помолвка’ и ‘сваты’. Персональный признак является основным при номинации обрядовых танцев: *невестинско хоро*, *попско хоро*, *зълвенска ръченица*.

“Т е м п о р а л ь н ы й” признак действия является ведущим в весьма ограниченном числе терминов, связанных с обозначением определенных дней недели, когда совершается ритуал, например, наименования обряда послесвадебного посещения молодыми родителями невесты – *собомене*, *недельоване*, *понеделнично госте*.

Особую группу составляют термины, в которых отличительным становится признак “к а ч е с т в а”. Это лексикализованные словосочетания (adj.+nom.), отражающие различные качественные характеристики обрядов, например, угощение для узкого и широкого круга участников (*мало госке* ~ *големо госке*), посещения для родственников старшего и младшего поколения (*младо госте* ~ *старо госте*), свадьба в доме жениха и невесты (*женска свадба* ~ *мъжка свадба*).

В терминологии обрядов отражена семантика начала (включающая и признаки “новый”, “первый”) и к о н ц а, характерная для зачина и завершения свадьбы и ряда ритуалов, связанных со сменой статуса невесты, например, наименования первого после свадьбы посещения дома молодой – *първиче*, *първа неделя*, *првно госке*, церкви – *нова черква*. Лексемы, обозначающие данные ритуалы, часто имеют характерный морфологический показатель: префикс *за-*, связанный с семантикой начала, например, помолвки (*за-годеване*, *за-главилка*), новой деятельности молодухи – первое прядение, шитье в доме жениха (*за-работване*, *за-придане*, *за-шиване*), и *раз-*, *от-*, несущие в себе семантику уничтожения, прекращения обряда или состояния невесты: ритуал снятия фаты с невесты – *откриф*, *разпревесване*, прекращение свадьбы – *разваляне*.

Лексикализованные словосочетания, образованные по модели verb. + nom., представляют собой обозначение действия, где акцентируется его ц е л ь или мотивировка: *да изпроводят булката* ‘проводить невесту’, *да запои свекървата* ‘чтобы напоила свекровь’, *да полее булката* ‘чтобы полила невеста’.

Специфической словообразовательной моделью для обозначения обрядов, ритуалов можно считать лексикализацию форм множественного числа: *одумки* ‘сватовство’, *шиванки*, *кроенки* ‘подготовка даров невесты’, *плетенки* ‘заплетание невесты’, (ср. рус. *именины*, *поминки*, *проводы* и т.п.), а также словосочетания, образованные по модели: форма повелительного наклонения (2 л.

ед.ч.) глагола + сущ., например, *кради кум* ('угощение для кума', букв. 'кради кума'), *бръсни зет*, *бръсни буляк* ('ритуальное бритье жениха', букв. 'брей жениха'). Подобные способы терминологического образования распространены в восточной Болгарии. Для данной ЛСГ характерно также использование словообразовательного потенциала некоторых основ и широкого спектра аффиксов, например: *.по-врат-ки*, *од-врат-ки*, *воз-врат-ки*, *во-врат-ки*, *за-врат-ки*, *на-врат-ки*, *по-вра-ке*, *по-врѣн-ки*, *по-врѣн-еж*.

Болгарская свадебная терминология, обозначающая обряды, выявляет наличие восточно- и западноболгарского ареалов и соответствующих типов обрядности. К восточному типу можно отнести наименования помолвки от корня *мен-* (*мена*, *менеж*, *меняване*), а для западных областей, которые делятся на несколько компактных зон (северо-запад, центр и юго-запад), характерно наличие большого разнообразия названий: *даване на белег*, *запив*, *годеж*, *тъкмеж*, *углава*. В восточной Болгарии терминологически маркированными являются предсвадебные ритуалы, связанные с подготовкой даров для свадьбы (*кроенки*, *шиенки*), в то время как в западных областях акцентируются торги о выкупе за невесту и приданое (*кинат прид*, *баба-хаки*).

Разнятся также и наименования посещения невестой источника: *на вода* – на западе, *на чешма*, *на кладенец* – на востоке; после-свадебного посещения молодыми дома невесты: *госке*, *гос'е* – на западе и *отврѣтки*, *повратки* – на востоке, хотя термин *повратки* (и производные) известен на всей территории Болгарии, возможно, благодаря литературному языку.

Для детального анализа в работе выбраны названия помолвки, рассматриваемые в общеславянском контексте, представляющие наибольший интерес как с точки зрения способов номинации, так и с точки зрения отражения в терминологии глубинной семантики свадебного обряда как обмена (*менеж*, *мена*, *даване нишан*), договора (*договор*, *годеж*, *тъкмеж*), сговора (*сговор*, *одумки*, *преговорки*) сторон, скрепляемого совместным питьем водки (*запив*, *питету*, *на пиенье*). В наименованиях помолвки находят отражение основные мотивы свадьбы (например, соединения, имеющего конкретные формы выражения в соединении рук молодых при обручении – *улавяне на ръка*, *обрѣки* или *голов* – *углава*, *главилка*) и бинарные семантические оппозиции, такие как большой/малый, тайный/явный, первый/второй, причем парные термины могут образовываться от различных основ,

ср.: *малък годеж* ~ *голям годеж*, *мали нишан* ~ *големийът нишан*, *таен годеж* ~ *явен годеж*, *първи сговор* ~ *втори сговор* и пр.

В этой ЛСГ, как и в рассмотренных выше, проявляют особую продуктивность сквозные корни–концепты *год-*, *глав-*, проходящие через всю свадебную терминологию, которые в контексте болгарского свадебного обряда актуализируют свой архаический смысл и внутреннюю форму: термины *годеж*, *погодба* (букв. ‘договор’), *главеж* могут считаться свидетельством наличия в прошлом обряда купли–продажи невесты, что подтверждается данными других южнославянских языков.

В заключении главы рассматривается соотношение болгарской терминологии обрядов и актов с данными других славянских традиций и характеризуется ареальное распределение лексем и их значений, выявляющее разделение болгарской языковой территории на западную и восточную части и подтверждающее существование компактных ареалов в свадебной обрядности: северо- и юго-западного, северо- и юго-восточного, а также родопского, что в целом, соотносится с диалектным членением болгарского языка.

В **Заключении** подводятся итоги исследования более двух тысяч терминов болгарского свадебного обряда, зафиксированных как на территории Болгарии, так и в переселенческих селах, расположенных в Банате (Румыния), Молдавии, на Украине, а также в селах восточной Сербии (обл. Димитровграда), северной Греции, Фракии, Малой Азии (Турция). Однако, в диссертации исследовались не все ЛСГ свадебного обряда. Выбраны были лишь те, которые относятся к наиболее значимым в структурном и семантическом отношении элементам свадьбы. За пределами работы остались наименования обрядовых блюд, костюмов, украшений новобрачной, локусов, названия песен и свадебных игр.

Разделение терминов на группы в соответствии с обозначаемым (денотатом) – названия персонажей, обрядовых предметов и действий – было обусловлено необходимостью детального анализа с целью более полного выявления специфики каждой ЛСГ. Несмотря на определенную автономность каждой выделенной группы, они составляют общую единую систему вербального кода, обусловленную системностью отображаемых языком реалий и семантикой самого обряда.

Наиболее ярко единство болгарской свадебной терминологии выражается в наличии “ключевых слов”, лексем и корней,

имеющих широкий семантический спектр и служащих мотивирующей основой терминов всех трех рассмотренных ЛСГ: *год-, глав-, мен-, дад-, вод-, ход-, сват-, благ-, ни-/пой-*. Данные корни манифестируют наиболее важные концепты свадебного обряда, характеризующие его как обряд “перехода” (rites de passage) и выявляющие архаическую семантику свадьбы как договора о купле-продаже невесты, скрепляемого обменом дарами и совместной трапезой с выпивкой.

Кроме того, системность свадебной терминологии проявляется в наличии сквозных мотивов, таких, как мотив перехода, движения, плодородия, изобилия, богатства, соединения, а также ряда “признаковых” мотивов (сладкий, белый, красный, золотой, пестрый, целый, полный, новый и др.)

Еще одним показателем системности свадебной терминологии является высокая продуктивность семантической деривации как способа образования обрядовых терминов (путем расширения значения слова и использования метафоры), обусловленная символическим характером обрядового языка и обрядовой реальности, что приводит к возникновению многозначных лексем. Явление полисемии становится объединяющим фактором для различных лексико-семантических групп.

Наряду с широким распространением полисемии для болгарской свадебной терминосистемы характерна междиалектная синонимия, т. е. существование у одной реалии ряда наименований, отражающих различные дифференциальные признаки или подчеркивающих архисему и образующих в совокупности номинационную парадигму, т. е. терминологически выраженный набор релевантных признаков обозначаемой реалии. Например, хлеб-основа свадебного деревца имеет следующие названия: *погача* ‘круглый пресный хлеб’, *кравай* ‘большой круглый кислый хлеб’, *сълъбник* ‘хлеб, украшенный фигурками голубей из теста’, *теферич* ‘вид цветка’, *бахча* ‘сад’, *сватбарски краваи* ‘относящиеся к свадьбе караваи’, *кумови колачи* ‘принадлежащие куму калачи’.

В диссертации была проведена классификация лексики на основе выделенных идеографических групп слов, т. е. слов с общей семой родового признака, что выявило наличие различных номинационных кодов и высокую частотность “персонажного” кода в различных ЛСГ, что отражает “персональную” направленность свадебного обряда.

Большая часть болгарской свадебной лексики является исконной и восходит к праславянским корням. Достаточно богато представлены в свадебной терминологии слова, заимствованные в болгарский из греческого и турецкого (главным образом в группе обрядовых лиц), что обусловлено многовековой ситуацией билингвизма (как болгарско-турецкого, так и болгарско-греческого), существовавшей в Болгарии, причем если турецкие заимствования характерны для всех областей страны (с преимущественным распространением на севере), то греческие заимствования зафиксированы, в основном, в южных областях Болгарии.

Исследование болгарской свадебной терминологии показало, что территория Болгарии представляет собой весьма дифференцированный ареал: выявлено наличие двух типов обрядности и соответствующей терминологии – западного и восточного, граница между которыми проходит (условно) по важнейшей диалектной границе болгарского языка, так называемой “ятевой” границе.

Кроме того, анализ свадебной терминологии позволяет говорить о существовании компактных ареалов в рамках выделенных типов, совпадающих в общих чертах с границами отдельных диалектов: северо-западного (северо-западные говоры), юго-западного (юго-западные говоры), северо-восточного (мизийские говоры), юго-восточного (фракийские и странджанские говоры), родопского (родопские говоры), – что подтверждает необходимость привлечения широкого этнокультурного контекста (обрядности и обрядовой терминологии) для определения диалекта, понимаемого как не исключительно языковой, но и этнокультурный идиом (Н.И. Толстой).

Правомерность выделения данных зон подтверждается и этнографическими данными: компактным расселением этнических групп в этих районах (соответственно – шопы, македонцы, добруджанцы, фракийцы, рупцы), а также данными материальной культуры: выделенными Хр. Вакарелским областями на основании картографирования терминов и явлений хозяйственной сферы (запад/восток, северо-запад, юго-запад, иногда центр, восточная и западная Фракия, Родопы и крайний северо-восток) и разграниченными М. Гавацци этнокультурными ареалами, включающими в том числе и интересующие нас регионы (шопский, македонский, подунайский (паннонский), фракийский и родопский).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Терминология обрядовых лиц болгарской свадьбы (словообразовательные типы) // Болгарская культура в веках. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 26-27 мая 1992 г. М., 1992, 62-64.

2. Греческие заимствования в родопской свадебной терминологии // Балканские чтения – 2. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1992, 75-77.

3. Терминология и география болгарской свадьбы: сваты. (Словарь) // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения – II. М., 1993, 115-125.

4. [Рецензия на] кн. М. Černelić. Uloge i nazivi odabranih svatova u Bunjevacu. Zagreb, 1991. 233 s. // Славяноведение, 2, 1995, 94-96.

5. Очаг в славянских свадебных обрядах // Славяноведение, 5, 1996, 70-74.

6. Piec i ognisko w słowiańskich obrzędach weselnych // Dom w języku i kulturze. Szczecin, 1997, 181-186.

7. Вторичное ритуальное употребление свадебного реквизита у болгар // Кодови словенских култура. Број 3. Свадба. Београд, 1998, 92-102.

8. Сватовство у болгар (этнолингвистический аспект) // Ученые записки Православного университета. Вып. 4. М., 1998, 135-143.

9. Отчет об экспедиции в юго-западную Болгарию (с. Гега, Петричская община, Софийская область) // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы третьего рабочего совещания. Санкт-Петербург, 18 декабря 1998 г. СПб, 1999, 43-53 (в соавторстве с В. Жобовым).

10. Балканские черты в словаре болгарской и македонской свадьбы // В поисках “балканского” на Балканах. Балканские чтения – 5. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999, 72-74.

11. Символика болгарской свадьбы // III Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 8-11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М., 1999.

12. “Бъчва без дъно...” (К символике девственности в болгарском свадебном обряде) // Кодови словенских култура. Број 4. Београд, 1999, 145-157.

13. Мука в славянской традиционной культуре // Кодови словенских култура. Број 5. Београд, 2000, 108-119 (в соавторстве с В.В. Усачевой).

14. Свадебная лексика и терминология двух сел западной Болгарии // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы четвертого рабочего совещания. Санкт-Петербург, 16 марта 2000 г. СПб., 2000, 84-94.

15. Персонаж *невеста* в сценарии болгарской свадьбы // Балканские чтения – 6. “Ното Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли. Античность. Средновековье. Новое время”. Тезисы и материалы. М., 2001, 101-104.

16. Терминология народной культуры села Гега в контексте смежных балканских говоров // Актуальные вопросы балканского языкознания. Международная научная конференция. Санкт-Петербург, 29-30 мая 2001 г. Тезисы докладов. СПб, 2001, 31-32.

17. Терминология свадебного обряда с. Гега (юго-западная Болгария) с этнолингвистическими комментариями // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001, 66-93.

18. Свадебное деревце // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд (0,2 а.л., в печати).

19. Чауш // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд (0,2 а.л., в печати).

20. “Мужское” и “женское” в языке и ритуале (по материалам свадебной обрядности балканских славян) // Материалы Международной конференции “Гендер, Язык, Коммуникация, Культура”: Йена, май 2001 г. (0,5 а.л., в печати).

Подписано в печать 04.10.2001 г.

Объем 1,6 п.л. Тираж 100 экз.

Центр компьютерной полиграфии ИСл РАН. titlen@mail.ru

